

ЭЛЬЗА ФРИКЕР.— «АЛЬФОНС ДОДЭ И ОБЩЕСТВО II ИМПЕРИИ». Изд. Боккар. Париж, 1937 (Elsa Fricker. «Alphonse Daudet et la Société du Second Empire». E. de Boccard, Paris. 1937).

Перед нами работа доктора литературных наук Эльзы Фрикер «Додэ и общество II Империи», труд фундаментальный по объему и обладающий всеми внешними признаками солидного исследования: обилие цитат и ссылок, громоздкий научный аппарат, библиография. Но за всей этой облицовкой скрывается лишь застой и рутинная, плоские мысли, ложные, наивные до беспомощности представления.

Эльза Фрикер задалась целью воспроизвести по романам Додэ о II Империи и по историческим материалам «дух цивилизации» этой эпохи. Но уже метод, избранный автором, исключает возможность подлинно научного исследования: анализ творчества Додэ сводится к однообразному пересказу романов и к школьным характеристикам «psychologie des personnages», а действительная история представлена длинными цитатами из светских мемуаров и подробными биографиями официальных лиц II Империи. Однако сквозь эту плотную завесу, скажем прямо, светской болтовни удается разглядеть отнюдь недвусмысленные исторические и литературные концепции, на которых стоит остановиться более обстоятельно, ибо они интересны и показательны тем, что дают отчетливое представление об идейной деградации, теоретическом измельчании современной буржуазной науки о литературе на Западе, взятой en masse.

II Империя для автора — это вспышка изысканного веселья и элегантности, возродившийся на мгновение «галантный XVIII век», это пышность и блеск придворных нарядов и празднеств. Это та официальная, внешняя II Империя, для создания которой немало усилий потратил Наполеон III со своими приближенными. Это та видимость, которая и представляется г-же Фрикер действительной историей. И не случайно, по традициям светской историографии, наиболее «репрезентативными представителями» II Империи в этой работе оказываются Наполеон III, его супруга Евгения, принцесса Матильда и граф де Морни, биографии которого автор считает возможным посвятить треть книги и сообщить не только все подробности его жизни, но и интимные стороны жизни его матери. Там же, где автор несколько расширяет свое представление об эпохе, он идет не от истории, а от изображения ее у Додэ. У Додэ есть образы капиталистов, и автор охотно подтверждает, что, действительно, роль буржуазии в этот период выросла. У Додэ встречаются образы незаконнорожденных детей, и автор снова подтверждает, что общество было развращено, богема заполонила собой все, а отсюда и незаконнорожденные дети. Дальше этого автор не идет. Действительные движущие силы II Империи целиком ускользают из поля зрения г-жи Фрикер, которая резюмирует свои выводы о II Империи как о «блестящем и легкомысленном обществе», как об «обществе галантном и увядающем», как «об эпохе, сохранившей для нас всю привлекательность еще не отошедшего прошлого, прошлого набобов и кринолинов».

Такова историческая концепция автора, которая идилично соответствует его литературным взглядам. Достаточно характерен уже сам выбор Додэ как «зеркала своего времени», зеркала II Империи. Ибо что случилось бы с этой концепцией, если бы в свидетели автор призвал Золя, его «Деньги», «Углекоп» и «Нана»? Свидетели превратились бы в обвинителей, и не только II Империи, но и г-жи Фрикер.

Не менее характерно и то, как безжалостно, но отнюдь не бессмысленно г-жа Фрикер препарирует творчество Додэ.

В историю литературы Додэ вошел как автор искрящейся весельем и остроумием трилогии о Тартарене из Тараскона.

И действительно, характерные черты Додэ — жизнерадостность, поэтическая фантазия, юмор — приобрели подлинное социальное звучание только в этом заостренном антибуржуазной сатирой произведении и, органически впитав локальный материал Южной Франции, выявили в Додэ большого и своеобразного художника.

Однако г-жа Фрикер беззастенчиво вычеркивает из рассмотрения эту трилогию, как не имеющую непосредственного отношения ко II Империи. Неспособная понять художественных обобщений и увидеть в образе донкхотствующего буржуа — Тартарена из Тараскона — фигуру, во всяком случае, не менее типичную для II Империи, чем граф де Мора из «Набоба», автор таким образом абсолютно произвольно урезывает, обедняет писательский облик Додэ, останавливаясь только на второразрядных его романах о II Империи.

Но препарирование творчества Додэ на этом не кончается: в анализе и этих романов Э. Фрикер пользуется методом, который нельзя назвать иначе, как ненаучным и нечестным. Чтобы понять суть этого дальнейшего препарирования, необходимо познакомиться с тем, что мы условно называем литературной концепцией автора.

Г-жа Фрикер поднимает на щит Додэ, противопоставляя его Флоберу, братьям Гонкурам и Золя. С последними писателями у буржуазной «науки», у официального общественного мнения буржуазного общества, давние счеты, еще со времен судебных процессов над Флобером и Гонкурами и беспощадной травли Золя.

Реализм и натурализм, по утверждению Э. Фрикер, — это упадок литературы, это «унизительные эксперименты» Золя, «сознательное бесстрашие» и «бесплодное нагромождение вариантов» Флобера, это произведения, «лишенные дыхания жизни» и пропитанные «мрачным пессимизмом», приводящим их к «отрицанию жизни».

Особая заслуга Додэ, по утверждению автора, в том, что, «окруженный друзьями — отъявленными реалистами», он сумел уйти от их влияния и таким образом «избежал литературного упадка своей эпохи» и, «выбирая реалистические сюжеты», но «зная чувство меры», он «оставался правдивым, не став натуралистом».

Это противопоставление неверно по существу, потому что в своем творчестве Додэ был неразрывно связан с натурализмом и сам считал себя натуралистом. Это противопоставление делается тем более неверным и тенденциозным, что иллюстрацией превосходства Додэ над реализмом и натурализмом служат его романы о II Империи, не на много поднявшиеся над уровнем правописательной буржуазной литературы и ценные лишь в той мере, в какой автор честно следует принципам своих великих современников. Там, где Додэ не расстается со своими «carpets», мы узнаем из его романов о тяжелой участи незаконно-рожденных детей, о продажности чиновников, о взлетах и падениях биржевиков, о горячке наживы, о нездоровом веселье и мишуре II Империи.

Между тем, черты Додэ, составившие неповторимость «Писем с моей мельницы», «Тартарена», обернулись в его «социальных» романах своей отрицательной, буржуазной стороной. Поэтическая фантазия и вымысел в этих романах являются действительно вымыслом, уводящим писателя от типичных явлений эпохи. Юмор и жизнерадостность, помогая автору утвердить патриархальные добродетели и «очеловечивать» набобов, приобретают слащавый оттенок.

В результате надуманные ситуации и неприятное благодушие делают реализм Додэ поверхностным, а следовательно, искажающим представление о буржуазном обществе и идеализирующим его.

Дальнейшее препарирование, непосредственно вытекающее из литературной «концепции» работы, заключается как раз в том, что действительные достоинства этих романов, элементы критического реализма, которые единственно и придают им ценность, не замечаются автором, а за «благотворной взволнованностью» и «неувядаемой юностью» Додэ Э. Фрикер находит и возвеличивает более существенные его «достоинства». Их Э. Фрикер подымает на щит для того, чтобы окончательно добить Флобера и Золя и, таким образом, довести до логического конца изначальные положения своей концепции. Достоинства эти, в отличие от реалистов, — «душевность и человечность социальных обличий», умение «касаться горестей жизни, не устраивая из этого выставки ее пороков». И, наконец, —

буржуазное литературоведение откровенно проговаривается в своих выводах, — это то, что «художник, он (Додэ) никогда не испытывал ненависти к буржуазии, которую так презирали его современники» (стр. 23). «Даже в дни своих страданий он не заперся в эгоистическую башню из слоновой кости», — умиляется г-жа Фрикер. Недаром «добропорядочное» изображение II Империи в романах Додэ, а тем более в работе Фрикер, так отличается от гневных писем Флобера, которые он посылал из своей «эгоистической» башни; недаром автор считает величайшим достоинством Додэ отсутствие у него ненависти к буржуазии, — той силы, которая именно и подняла реализм Флобера на такую социальную высоту.

В этой своеобразной перестановке положительного и отрицательного у Додэ, а главное, в утверждении превосходства Додэ «в целом» над корифеями реализма, мы узнаем давнишние традиции официального буржуазного литературоведения, представители которого и теперь, может быть даже более, чем когда-либо, требуют от литературы, чтобы она не портила настроения читателю, чтобы добродушной улыбкой, юмором или сентиментальностью («человечностью») она скрывала вопиющие пороки и противоречия буржуазного общества.

Прошло более полувека, и, казалось бы, сама история поставила имена великих критических реалистов — Флобера и Золя — «вне спора», принесла «мэтрам» дань официального признания. Но работа Э. Фрикер показывает, что за невинной видимостью литературных симпатий и антипатий и поныне скрываются общественные конфликты, остроту которых время оказалось бессильным сгладить. С наивной непосредственностью г-жа Фрикер высказывает сокровенную идею современного рядового буржуазного литературоведения — ненависть к горьким приговорам критического реализма и пристрастие к розовому оптимизму типа Додэ.

Апологетическая тенденциозность буржуазного литературоведения, пренебрежение элементарной научной честностью — все это нашло классическое воплощение в рецензируемой книге.

С. Кратова

ДОРОТИ ПАРКЕР. — «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ».
Изд. Викинг пресс. Нью Йорк, 1939 (Dorothy Parker. «Here Lies». Viking Press. New York, 1939).

«Самая остроумная женщина Америки» — такова репутация поэтессы и новеллистки Дороти Паркер. Впрочем, репутацией этой писательница обязана больше тем метким остроумам, которые облетают под маркой «Д. П.» гостиницы Нью-Йорка, чем своим литературным произведениям. Да их и немного, этих литературных произведений. За свою двенадцатилетнюю писательскую деятельность Паркер выпустила всего две книги, не считая газетных очерков и фельетонов. Это — сборник

стихов «Мельче колодца» и книжка новелл «Здесь покоится».

Сборник состоит из двадцати четырех новелл; наиболее интересны в нем сатирические новеллы. С большим чувством юмора, не лишённого горечи, Паркер показывает филистерскую изнанку тех «гуманных» чувств — доброты, отзывчивости, любви к ближнему, — которыми кичатся завсегдагаи буржуазных гостиниц. Она не щадит ни показной прогрессивности, ни мнимого демократизма, обнажая